

Смена. — С. Пб. — 1999. — Июль — с. 3.

Революционное па-де-де Анны Павловой

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

21 ноября 1905 года, в самый разгар первой русской революции, в балетной труппе Императорского Мариинского театра произошло ЧП: танцовщик И. Кшесинский (брат хозяйки знаменитого особняка) дал по физиономии своему коллеге А. Монахову. Как и положено людям благоспитанным, балетные артисты дошли до столь крайних форм телесного самовыражения не от избытка вино-водочной экспрессии, а по сугубо политическим мотивам. Конфликт ушел корнями еще в «доконституционную» эпоху...

15 октября, ровно за два дня до издания знаменитого «Манифеста 17 октября», добившись разрешения от театральной администрации, балетная труппа Мариинки провела в Театральном училище собрание по вопросу «о прибавках и своих нуждах» под общим лозунгом «демократизации императорских театров». Было избрано организационное бюро, в состав которого вошли такие знаменитости, как М. Фокин, Т. Карсавина и уже упомянутый И. Кшесинский. Под руководством оргбюро артисты выработали постановление, текст которого гласил: «В целях нашего экономического улучшения жизни мы требуем, чтобы для наших периодических собраний не принималось никаких репрессивных мер, чтобы личность оратора, членов свободно избранного нами бюро и вообще артистов была неприкосновенной... Если бы последовало какое-то репрессивное отношение к нашим постановлениям со стороны администрации, — грозно возвышали голос безмолвствовавшие до сей поры танцовщики, — то у нас имеются в виду способы и средства борьбы с этим произволом».

На следующий день, 16 октября, представители оргбюро, среди которых были Карсавина и Фокин, вручили ультиматум театральной администрации, а заодно, ссылаясь на нервозность обстановки, хлопотали лично для себя разрешение не участвовать в утреннем спектакле «Пиковая дама». Затем они отправились в театр, где принялись подстрекать своих товарищей к проведению забастовки. «В настоящие тяжелые дни, — патетически восклицали Фокин и Карсавина, — когда на улицах режут народ, — неужели артисты будут потешать сытую буржуазию?» Народ, к слову сказать, в тот день на улицах никто

особо не «резал», однако «Пиковую даму» все же пришлось давать без танцевальных номеров, а вечерний спектакль — и вовсе отменить.

После этого происшествия представители большинства труппы (около 90 человек), опасаясь быть обвиненными в забастовочной активности, обратились к театральной дирекции с просьбой не считать действительными их подписи под постановлением от 15 октября. Они же срочно представили директору императорских театров В. Теляковскому особую записку с пожеланиями чисто экономического характера. Пикантность ситуации заключалась в том, что все это «штрейкбрехеры» делали по секрету от радикально настроенного меньшинства.

В свою очередь «революционная» половина танцовщиков также подала на имя дирекции записку с требованием об улучшении своего материального положения не уведомив об этом «согласительское» большинство. В итоге, по словам Теляковского, в Мариинском театре развернулась самая настоящая «война Алой и Белой розы».

К 21 ноября, когда в связи с выборами в балетную комиссию часть артистов собралась все в том же репетиционном зале Театрального училища, страсти были накалены до предела. Анна Павлова, бывшая одной из активисток «революционной» части коллектива, обратилась к молодому танцовщику А. Монахову (из «Белой розы») с просьбой показать составленную ею «партийной» записку. Прочитав ее, Павлова гневно вскинула брови: «Почему эти пожелания до того, как были доложены директору театров, не были сообщены всей труппе? Монахов на это запальчиво ответил, что не показал записку другим лицам, как, впрочем, и самой Анне Павловой, потому что считает их всех «забастовщиками» и еще потому, что «лица, принадлежащие к партии г-жи Павловой, неоднократно называли артистов противоположной партии «подлецами». Возмущенная тем, что ее определили таким неизящным словом, как «забастовщик», Павлова бросила Монахову: «Вы подлец и есть!»

При этом многообещающем разговоре присутствовал единомышленник А. Павловой — И. Кшесинский. По его собственным словам, видя возбужденное состояние королевы русского балета, он решил перевести беседу в более философское русло: «Не будем разбирать в настоящее время, кто подлец, — будущее покажет, кому принадлежит

этот эпитет», на что якобы последовала реплика Монахова: «Кшесинский, вы подлец!»

По показаниям свидетелей противоположной стороны, Кшесинский поддержал Павлову, заявив во всеуслышанье: «Да, конечно, подлец!» — что вызвало со стороны молодого танцовщика аналогичную ответную фразу, за которой и последовала кульминационная пощечина. Усилиями присутствующих артистов драка была прервана.

24 ноября 1905 года И. Кшесинский был уволен со службы в связи с тем, что в императорских театрах «не могут быть терпимы артисты, позволяющие себе кулачную расправу с товарищами». Конечно, ему припомнили и подстрекательство к забастовке. Впрочем, увольнение Кшесинского было тоже своеобразной «фигой в кармане», которую в ту пору спешили показать императору все, у кого имелись как минимум три пальца и карман. В данном случае Дирекция императорских театров «поставила на место» Матильду Кшесинскую, известную своей прежней близостью к Николаю II. Когда Кшесинский попытался было намекнуть на то, что у него есть возможность переговорить через некое «лицо» с министром двора по поводу всего происшедшего, директор театров Теляковский не отказал себе в удовольствии заметить: «Нельзя же одновременно быть и революционером, и пользоваться самой что ни на есть монархической протекцией — это уже непоследовательно».

В конечном счете увольнение Кшесинского осталось в силе, Монахову за «несдержанное поведение» был сделан выговор, а Павловой поставили на вид «ее резкое обращение, проявленное по отношению к Монахову».

В 1914 году Кшесинский вернулся в Мариинку, а спустя три года в России установилась новая власть, которая первым делом попыталась отнять у бывшего борца с «проклятым прошлым» не только всю домашнюю прислугу, но даже матрацы, в которых в 1918 году остро нуждалась самая сильная в мире Красная Армия. Впрочем, благодаря хлопотам начальства от «матрачной повинности» Кшесинский был все же освобожден. Но главное не это, а то, что новая власть окончательно примирила враждовавшие доселе балетные партии. И «забастовщик» Кшесинский и «подлец» Монахов стали вскоре заслуженными артистами РСФСР.

Ася ХАПАЧЕВА